

SP-1(092)
B-81

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВРЕМЕННОИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 23

8P1/092/ ВР 81

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

Выпуск 23

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

А-758564

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1989

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. К. Г. КУНКО

При сопоставлении пушкинского текста с приведенной эпиграммой обращают на себя внимание общность темы, сходная диалогическая форма изложения, близкие по тону краткие характеристики. Однако взяв за образец эпиграмму Масона де Морвилье, Пушкин дает свой вариант: в быстром диалоге представлена не одна невеста, а ярмарка невест; не одной, а всем им даются острые негативные оценки; и все они, в отличие от французского источника, в конечном счете отвергаются разборчивым женихом. В краткую эпиграмматическую форму Пушкин мастерски вменяет картинку русского быта, сохраняя при этом эпиграмматическую основу избранного образца.

Текст эпиграммы Масона де Морвилье Пушкин мог знать во французском оригинале, но мог познакомиться с ним и с помощью перевода Б. М. Федорова, который был напечатан в «Невском альманахе на 1827 год». Как известно, Пушкин был и читателем, и автором «Невского альманаха». В «Невском альманахе на 1827 год», о котором идет речь, были помещены гравюры С. Галактионова (иллюстрации к «Бахчисарайскому фонтану»), «Нравоучительные четверостишия» Языкова, в создании которых принимал участие Пушкин, — это делает знакомство Пушкина с текстом Б. М. Федорова тем более вероятным. Но независимо от того, в оригинале или в переводе Б. М. Федорова прочел Пушкин эпиграмму французского поэта, нам представляется возможным на основании вышеизложенного включить Масона де Морвилье в число авторов, чьи сочинения так или иначе нашли отражение в творчестве Пушкина.

Н. И. Михайлова

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

Созданию «Истории Пугачева», как известно, предшествовала большая исследовательская работа А. С. Пушкина над документальными и фольклорными источниками. Ее этапы, содержание и результаты изучались в отечественном литературоведении и историографии достаточно подробно.¹

После выхода в свет (1834 г.) «Истории Пугачевского бунта»² Пушкин продолжал архивные изыскания по «пугачевской» теме. Это было вызвано неполнотой того комплекса документов, хранившихся в государственных архивах, к которому поэт смог получить доступ в 1833—1834 гг.

В октябре 1835 г. Пушкин получил из Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) восемь пакетов документов

¹ См.: Грот Я. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов // Русский вестник. 1862. Т. 42. № 12; Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Измайлов Н. В. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 438—454; Чхеидзе А. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963; Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969.

² Название пушкинского труда было изменено августейшим цензором поэта Николаем I.

так называемого пугачевского портфеля Г.-Ф. Миллера, известного историографа и архивного деятеля XVIII в. В них находились любопытные документальные и мемуарные источники о восстании Пугачева. Остановим свое внимание на последних.

Специфика мемуаров как жанра очевидна. Они проникнуты индивидуальным взглядом автора на описываемые события, содержат эмоциональный пласт восприятия происходившего, выявляют такие подробности и нюансы, которые не могут быть переданы документами официального делопроизводства. Мемуарные сочинения позволяют исследователю помимо расширения фактической, содержательной стороны изучаемого процесса углубить психологический и бытовой фон событий прошлого. В этом плане мемуары несомненно представляли интерес для Пушкина не только как историка, но и как писателя.

Особенности происхождения и содержания мемуаров обуславливают и особый подход к их изучению. Существенно важным для анализа достоверности содержащихся в них сведений и понимания идейной направленности авторской позиции становится изучение мемуариста как личности (его социального положения, характера и образа жизни, биографических данных и т. д.). Это в свою очередь позволяет уяснить место, занимаемое автором мемуаров в кругу описываемых им событий, степень и полноту его осведомленности.

Между тем до настоящего времени мемуарные свидетельства о восстании Пугачева, которые были известны А. С. Пушкину, изучены с указанных выше позиций не в равной степени. Если наиболее обстоятельному сочинению П. И. Рычкова «Описание шестимесячной Оренбургской осады» («Летопись») посвящен ряд специальных работ, исследующих и содержание труда, и личность мемуариста,³ то в отношении двух других сочинений, повествующих об аналогичных событиях, картина совсем иная. Речь идет о «Дневной записке о самозванце и разбойнике Емельяне Пугачеве, введенной города Оренбурга церкви Благовещенской, что на Гостином дворе, священником Иваном Осиповым» и «Известии о самозванце Пугачеве», сочиненном священником Троицкой церкви г. Оренбурга Иваном Полянским. Оба мемуариста пережили шестимесячную осаду города от войск Е. И. Пугачева в октябре 1773—марте 1774 г.

Под такими пространными заглавиями эти воспоминания значились в описи дел, доставленных А. С. Пушкину, как уже было сказано, в октябре 1835 г. в числе документов «пугачевского» портфеля Миллера.⁴ Они

³ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова: Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. 1867. Т. 2. № 1; Кулябко Е. С., Чернышов А. М. Первый член-корреспондент Академии наук // Вестник АН СССР. 1962. № 10; Майорова А. С. «Описание шестимесячной Оренбургской осады» П. И. Рычкова — первый исторический труд о событиях Крестьянской войны 1773—1775 гг. // Историкографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 12; Светенко А. С. «Летопись» П. И. Рычкова как источник «Истории Пугачева» // XXVII Пушкинская конференция: Тез. докл. Оренбург, 1983.

⁴ Тетради № 1 и 3 указанной описи. В настоящее время они хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) СССР (ф. 6, соответственно д. 435, ч. 2 и д. 525).

вызвали особый интерес исследователя. По просьбе А. С. Пушкина с указанных сочинений были сняты полные писарские копии, пополнившие его «архивные» тетради. Эти копии были для краткости озаглавлены «Записками», что вполне точно отражает их видовую принадлежность.⁵ По этим копиям воспоминания были опубликованы в девятом томе (ч. 2) Большого академического издания сочинений Пушкина в качестве приложений к тексту «Истории Пугачева» (составитель тома В. Л. Комарович). После этой публикации, которая позволяет рассматривать «Записки» И. Осипова и И. Полянского как самостоятельные источники, последние так и не стали предметом специального исследования.

На наш взгляд, это объясняется рядом причин. Во-первых, содержание воспоминаний И. Осипова и И. Полянского почти полностью поглощается информацией, сообщаемой П. И. Рычковым в своей «Летописи». Во-вторых, работа А. С. Пушкина над вторым изданием «Истории Пугачева», где он мог бы использовать в числе прочих новых материалов и «Записки» И. Осипова и И. Полянского, осталась незавершенной. И, наконец, сыграло свою роль отсутствие дополнительных сведений о самих Осипове и Полянском, которые ни в событиях большого общественного звучания, ни на литературном поприще более ничем себя не проявили.

Тем не менее введение в научный оборот новых биографических данных о мемуаристах представляется уместным не только в русле источникововедческого освоения истории пугачевского восстания, но и в контексте изучения творчества А. С. Пушкина, по праву считающегося первым историографом Крестьянской войны 1773—1775 гг.

Неоднократные упоминания об И. Осипове и И. Полянском встречаются в официальной переписке и другой документации, связанной с деятельностью церковных учреждений Оренбурга. Все эти материалы хранятся в фонде «Канцелярии Оренбургского духовного правления» (№ 172) Государственного архива Оренбургской области (ГАОО).⁶

Сведений об Иване Осипове⁷ в материалах этого фонда содержится гораздо больше, чем о Полянском. Из них вырисовывается любопытный и несколько неожиданный облик мемуариста. Осипов предстает здесь человеком необузданного и неуживчивого нрава, участником многочисленных ссор, скандалов и судебных разбирательств, виной чему в немалой степени было его пристрастие к спиртному. Заметим сразу, что тип священника-«хулигана» был не столь уж редок для представителей духовенства второй половины XVIII в. Н. Ф. Дубровин, автор трехтомной монографии о восстании Пугачева,⁸ рассматривая характерные черты морального облика и образа жизни различных категорий и слоев общества России того времени, приводит многочисленные свидетельства (например из «Записок» Семена Порошина

⁵ См.: ПД, ф. 244, оп. 3, № 152, л. 1—40 об., 41—72.

⁶ За указание этих сведений автор статьи приносит благодарность оренбургскому краеведу С. А. Попову.

⁷ К сожалению, установить отчество Ивана Осипова по указанным источникам не удалось.

⁸ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: Эпизод из царствования имп. Екатерины II. СПб., 1884. Т. 1—3.

(СПб., 1881)) о неблагоприятных поступках (грубости, самодурстве и самоуправстве) священников самых различных духовных званий.⁹

Отчасти объяснение подобному положению дел можно найти в том, что пополнение кадров белого духовенства шло в основном не за счет людей, испытывавших особые чувства к вере, а из числа детей церковников, т. е. имело место сословное воспроизводство духовенства как социального института. Это вело, особенно на периферии, к обращению в духовный сан людей, не только не имевших к тому особого призвания, но и не получивших специального (духовного) да и светского образования.

Из числа таких «природных священнических детей» вступил в церковное звание в Татищевской крепости в 1747 г. и Иван Осипов.¹⁰ Сначала он служил в домовый церкви тогдашнего оренбургского губернатора Ивана Ивановича Неплюева, который в 1757 г. аттестовал Осипова в дьяконы к строящемуся в оренбургском форштадте Георгиевскому собору. После отъезда Неплюева в Петербург Осипов был переведен дьяконом в Троицкую церковь. Но за «малоприходством» в 1763 г. был определен священником в Нижегородский пехотный полк, расквартированный в Оренбурге. После расформирования этого полка в 1764 г. Осипов просил Оренбургское духовное правление перевести его священником в Оренбургский драгунский полк, для чего представил ходатайства офицеров этого полка. Но правитель духовных дел протоиерей И. Дмитриев не дал на это согласия. Осипов был вынужден, минуя его, обратиться непосредственно к казанскому архиерею, за что был впервые оштрафован «двухнедельною эпитимиею, исполнением поклонов во Введенском соборе».¹¹ После этого просьба Осипова была удовлетворена, и он выехал в район Тобольской и Ишимской пограничных линий, на которых располагался Оренбургский драгунский полк. Судя по отзывам Осипова, служба армейским священником была ему особенно приятна: «В «полку» будучи, считался «я» от господ командующих почтенным и довольным».¹² С бригадным командиром генерал-майором Череповым И. Осипов участвовал в объездах и походах вдоль китайской границы, а в начале 1767 г. уже в должности священника Уфимского драгунского полка находился в корпусе того же Черепова «для усмирения бунтующих яицких казаков». В том же году корпус Черепова выступил в поход в Казанскую губернию «для предосторожности к прибытию е. и. в. Екатерины Алексеевны», где, по свидетельству Осипова, «графом З. Г. Чернышевым и бывшим тогда в Казане губернатором Волковым представлен «...» был с их о добром «его» поведении отрекомендованием персональности ее величества, и удостоен высочайшим ее благоволением пожалованного «...» шестисот рублевого награждения».¹³ Это была вершина службы И. Осипова. В том же 1767 г. по прошению оренбургского купечества и таможенного начальства он был причислен священником сразу двух церквей: Благовещен-

⁹ См.: Там же. Т. 1. С. 358—369.

¹⁰ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 5472 (листы этого и многих других дел фонда не пронумерованы).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ской в Гостином дворе и церкви Захария и Елизаветы в Меновном дворе, где располагалась оренбургская торговая томожня. В этих должностях Осипов встретил события 1773—1774 гг., которые нашли отражение в его «Записках».

Ко времени восстания Пугачева И. Осипову было 47 лет.¹⁴ Как видно из приведенных выше свидетельств, Осипов не только хорошо знал оренбургский край, поскольку был его уроженцем, но и как священник различных воинских частей имел представление о состоянии и возможных способах ведения ими боевых действий, а также о мятежных настроениях яицкого казачества. Это во многом объясняет подробные и обстоятельные упоминания о составе и численности правительственных войск, вступающих в боевые действия с повстанцами, отражение чисто военных аспектов, которые имеются в его «Записках» (IX, 551—578). Точны данные Осипова о населенных пунктах и крепостях, ставших местами сражения, а также хронология основных событий оренбургской осады, которые подтверждаются другими источниками (IX, 206—368).¹⁵ Нашла свое выражение и «профессиональная» принадлежность мемуариста. Особенно ярко это выражено в стиливых особенностях «Записок», изобилующих обращениями к божественному промыслу, частыми ссылками на церковный календарь и оборотами речи, свойственными церковным проповедям. Эти особенности, кстати, столь же свойственны записям И. Полянского. Освещение событий под углом зрения религиозного деятеля проявляется в «Записках» и частыми упоминаниями о бедственном состоянии церквей и церковных святых, захваченных пугачевцами, и тем, что одной из главных причин восстания И. Осипов считал раскольничество яицких казаков, их отход от канонов официальной православной церкви. В свои «Записки» И. Осипов включил также полный текст двух увещаний архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина (IX, 564—567, 575—577). Они играют роль идеологического противопоставления манифестам и указам Е. И. Пугачева. По мнению Осипова, эти увещания вселяли надежду и прибавляли силы осажденным оренбуржцам. Показательна сама концовка «Записок», в которой речь идет о плачевном состоянии церкви Захария и Елизаветы, разграбленной повстанцами. Упоминание об этой церкви становится понятным, так как Осипов был в ней священником.

Дальнейшая жизнь И. Осипова — это почти сорокалетняя цепь различных тяжб, судебных разбирательств и штрафов, в которых он фигурирует в качестве обвиняемой стороны. Во всех случаях аргументы против Осипова одни и те же: неисполнение приказов духовного начальства, несдержанность, буйство, нежелание идти на мировую. В 1775 г. с него был взыскан штраф в 5 р. за непредставление своего сына в духовную семинарию. В 1777 г. Осипов принес публичные извинения протоиерею И. Дмитриеву за поношение его чести и «написание ругательного ответа на посланный Дмитриевым приказ».¹⁶ Вспомним, что это был тот протоиерей, который препятствовал назначению Осипова на искомую им долж-

¹⁴ И. Осипов родился в 1726 г. (ГАОО, ф. 172, оп. 1, свиток 41, л. 41).

¹⁵ См. также: ЦГАДА, ф. 1100 (Канцелярия оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа), д. 1—10.

¹⁶ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4633, л. 143—152.

ность. В 1781 г. Осипову был учинен выговор за ослушность духовному правлению и неприятие посылаемых ему указов.¹⁷ В 1784 г. он отбывал двухнедельную эпитимию за «грубую подписку», отосланную им в Оренбургское духовное правление. В следующем году «за пьянство и бесчинство» на него была наложена уже месячная эпитимия с обязательством убирать снег около собора, а по средам и пятницам «употреблять одно сухоядение», от чего Осипов наотрез отказался.¹⁸ С другой стороны, — и это подтверждает противоречивость личности Осипова, — 24 августа 1786 г. указом Казанской духовной консистории ему была объявлена «пастырская благодарность» за исправное построение на средства, данные прихожанами, новой Вознесенской церкви, при которой он состоял священником с мая 1785 г.¹⁹

Но уже в 1787 г. разразилась новая тяжба. Знаменательно, что противной стороной в этом конфликте оказался не кто иной, как Иван Полянский. Оговоримся, что эта распря не имела никакого отношения к возможной неприязни, которая могла бы существовать между ними как сочинителями «Записок», посвященных одним и тем же событиям. Полянский до некоторой степени являлся антиподом Осипова. Он был на 18 лет моложе, окончил семинарию, отличался добропорядочностью. В 1787 г. Полянский стал «присутствующим» в Оренбургском духовном правлении и «благочинным», т. е. старшим священником, осуществлявшим надзор над несколькими приходами, — иными словами, непосредственным начальником И. Осипова.

В изложении И. Осипова причиной конфликта между ними было то, что «Полянский в приходы <...> входит со всякими домашними требами без всякой нужды для одной своей корысти самовольно, чем делает нам разорением обиду».²⁰ Свой протест Осипов выразил в присущей ему экстравагантной форме. Он публично пообещал Полянскому волосы «ободрать и лоб на затылке сделать».²¹ Церковные инстанции, в которых уже сложилось негативное мнение об Осипове, решили конфликт в пользу Полянского. Осипов был оштрафован на 10 р. и отрешен от служения в церкви и от прихода до публичного извинения перед Полянским.²²

В 1789 г. Осипов обратился в Казанскую духовную консисторию с проектом организации в Оренбурге воспитательного дома, «ибо весьма немало бывает несчастно рожденных младенцев, кои от матерей своих повергаемы бывают в разные места, отчего нередко лишаются жизни <...> а некоторые хотя и живы остаются и на вскормление берутся, но «должного» хранения и призрения не имеют».²³ Осипов предлагал «для опыта родильниц и младенцев построить дом на рынке <...> где собирается всегда немалое число народа, от коего может быть давание. Состоящие за Уралом рекою луга, остающиеся без отдачи, отдать в оброк (с выплатой воспитательному дому); ленивым бродягам собирать милостыню запре-

¹⁷ Там же, д. 5986.

¹⁸ Там же, д. 5198.

¹⁹ Там же, д. 5291.

²⁰ Там же, д. 5568.

²¹ Там же, д. 5450.

²² Там же, д. 5568.

²³ Там же, д. 5705.

тить же. Собираемые с неисповедников штрафы употреблять на воспитание оных младенцов...»²⁴ Эта инициатива Осипова наглядно показывает, что при всех своих слабостях и недостатках он был человеком, который не мог спокойно видеть вопиющие неурядицы своего времени. В ответе же казанского архиепископа ему было недвусмысленно заявлено, чтобы «он лучше молился богу, а не лез в гражданские дела».²⁵ Кроме того, за обращение в вышестоящие инстанции, минуя непосредственное начальство, на Осипова был наложен еще один штраф в 10 р.

В последующие годы Осипов был неоднократно штрафован за публичные оскорбления офицеров, купцов и других жителей Оренбурга. Но несмотря на подобные рецидивы, духовного сана он лишен не был. Более того, когда в ноябре 1798 г. семидесятидвухлетний Осипов, будучи священником Крестовоздвиженской церкви, «просил о увольнении его за старостию и болезнью от должности», консистория определила его к медицинскому освидетельствованию и по заключению врачебной управы решило, что «он от той болезни освободиться может».²⁶ Последнее упоминание об Иване Осипове обнаружено в ревизской сказке от декабря 1815 г. по одноприходной церкви Вознесения Христа Спасителя г. Оренбурга: «К сей сказке <...> протопоп Иван Осипов руку приложил».²⁷ В тот год Осипову исполнилось 89 лет.

Совсем иного характера упоминания об Иване Степановиче Полянском (1744—1795). Четырнадцать лет от роду он был взят в Казанскую семинарию и «по выслушании богословия в 1770-м году из оной уволен». В Оренбург же (по собственному свидетельству Полянского) он прибыл 1 сентября 1773 г., т. е. в самый канун Пугачевского восстания. Едва устроившись на новом месте, он стал свидетелем событий, потрясших устои империи. Интерес, проявленный им к описанию событий восстания, выдает в Полянского человека думающего, склонного к анализу происходящих событий. Но недостаток личного опыта и знания о событиях, предшествовавших началу восстания, описанию которых, однако, уделено значительное место в его «Записках», заставляет сделать предположение, что эту информацию он мог почерпнуть из личных бесед с более осведомленными людьми, в числе которых, весьма вероятно, мог быть и Иван Осипов. Описание непосредственной осады пугачевцами Оренбурга у Полянского и свидетельства других упоминаемых нами источников взаимно дополняют друг друга, хотя в целом последние более отрывочны. Показательно и то, что «Записки» обрываются 1773 г. Последние записи, относящиеся к концу декабря, когда положение осажденного города было весьма критическим, наглядно свидетельствуют о тяжелейших испытаниях духа, выпавших на долю жителей Оренбурга (IX, 598). Трудно сказать, почему Полянский прекратил свои записи. Возможно, он узнал что подобную работу ведут П. И. Рычков, чей авторитет как ученого, так и высокопоставленного чиновника был очевиден, и И. Осипов. Но и имеющийся текст «Известия о самозванце Пугачеве» И. Полянского содержит

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, д. 7387, 7406.

²⁷ Там же, оп. 2, д. 2.

в себе индивидуальный авторский почерк. В идейном плане сочинение Полянского крайне тенденциозно: яички казаки для него — «воровской сброд, изменники и вероотступники»; уничижительными эпитетами и проклятиями сопровождается каждое упоминание о них. Вместе с тем у Полянского отсутствует оценочный подход (не говоря уже о критическом осмыслении, характерном для Рычкова) к мероприятиям оренбургской администрации. Тем не менее фактические данные из воспоминаний Полянского вполне соотносятся с другими источниками об осаде Оренбурга.

Дальнейшая биография И. Полянского вполне благополучна. В 1776—1780 гг. он состоял на выборной должности «закащика» церковной утвари, в течение десяти лет назначался «благочинным» и «ученым» священником, проводившим процедуры принятия к присяге должностных лиц. В 1791 г. в ведомости о церковнослужителях о нем говорится: «Иван Степанов «Полянский», вдов, 47 лет, был сын 1 года 8 месяцев, умер 1791 г.»²⁸ Очевидно, смерть близких повлияла на решение Полянского в 1793 г. постричься в монахи. Он был переведен в распоряжение Казанского духовного правления. Но вскоре, в 1795 г., умер, будучи духовником архиерейского дома в Казани, «в надежде к пострижению в монашество».²⁹

Затронем в заключение вопрос о появлении рассмотренных источников в «пугачевском» портфеле Миллера. Логично было бы предположить, что они могли попасть туда через посредничество П. И. Рычкова, состоявшего с Миллером в оживленной переписке. Но в ней мы не находим упоминания о «Записках» И. Осипова и И. Полянского.³⁰ Рукописи «Записок» с сопроводительным письмом И. Полянского были отосланы в 1776 г. в Казань архимандриту Платону Любарскому, который был информатором Н. Н. Бантыша-Каменского (известного архивного деятеля и историка) о событиях Крестьянской войны в Казани и прилегающих губерниях. Любарский передал эти рукописи в Москву, где они поступили в состав фондов МГАМИД, а спустя более чем полвека попали к А. С. Пушкину.³¹

А. С. Светенко

²⁸ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 5986.

²⁹ Там же, д. 6684.

³⁰ Ленингр. отд.-ние Архива АН СССР (ЛОА АН СССР), ф. 21 (Миллер), оп. 3, д. 237, 238 (письма П. И. Рычкова за 1770—1777 гг.).

³¹ Известен еще один список этих сочинений, исходивший от Любарского в адрес его церковного начальства: ЛОА АН СССР, Рукописи, разряд II, оп. 1, д. 122, л. 194—219, 220—254 об.

ЕЩЕ РАЗ О РЕМАРКЕ «НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ»

Изучая заключительную ремарку «Бориса Годунова», исследователи указывали разные ее источники: изречение Мирабо,¹ «Историю государ-

¹ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 224—252.